

Введение

Современный мир сталкивается с беспрецедентной ситуацией поликризиса — то есть множественных, взаимосвязанных кризисов, для анализа которых уже не хватает простых решений. Это «идеальный шторм»: пандемия обнажила хрупкость глобальных систем, война уничтожила саму идею безопасности, а стремительное развитие ИИ ставит под вопрос сами основы человеческой агентности.

Многие подходы — от спекулятивного реализма и новых материализмов до деколониальной критики — оказываются на поверку лишь частичным осмыслением ситуации. Именно в этом контексте современная континентальная философия обращается к аффективным и глубинным измерениям кризиса, к самой ткани этих катастроф, чтобы рассмотреть их экзистенциальную подоплеку как симптом более глубоких трансформаций — эпистемологических, онтологических, этических, — а вместе с тем те способы, которыми коллективные аффекты (страх, ярость, надежда) формируют нашу реальность.

Этот номер журнала *Stasis* посвящен тому, как философские концепции могут помочь найти в продолжающемся кошмаре точки роста для иного будущего.

Марина Аристова в статье «**Capitalism and degrowth: dialectic of opposing fantasies**» сравнивает две версии грядущего конца света — одну, «огненную», свойственную капитализму, пирополитическую фантазию и вторую — экологическую фантазию о «деросте», «degrowth» («decroissance»). Румынский

математик Николас Георгеску-Реген (1970) предложил анализ экономических процессов через призму второго закона термодинамики. Согласно его теории, сжигание ресурсов приведет в замкнутой системе к состоянию холода, к тепловой смерти вселенной. Следовательно, как утверждает Джорджеску-Реген, экономический рост необходимо остановить. Аристова исследует фантазмагорический аспект этой теории и противоречие, в которое она вступает с «огненной» теорией экономического роста, привлекая к анализу идеи, высказанные в работе Эвальда Ильенкова «Космология духа» (1956), Майкла Мардера из его книги о Фениксе *Pyro politics in the world ablaze* (2020) и Оксаны Тимофеевой из книги о Солнце «*Solar politics*» (2022). Аристова подвергает в итоге сомнению обе фантазии, бытующие в коллективном социокультурном воображении, и приходит к выводу о том, что мир «умрет дважды» — однако продуктивнее, с ее точки зрения, все-таки бороться с ресурсным капитализмом.

В статье **Александры Ивановой «Nation and community in relation to war: a philosophical investigation into the frontier»** исследуются коллективность и территория, вопрос о взаимодействии между коллективным телом (например, нацией или сообществом) и территориальностью. Цель статьи — объединить эти два взгляда в единый негосударственный подход к изучению войн. Война, с ее точки зрения, требует новых подходов к своему анализу, нового языка: не государственного и не юридического. Основаниями этого языка служат территории и границы между ними, то есть приграничные зоны, с одной стороны, и различные понимания коллективности — нация, сообщество и *po/us* (термин Фредерика Нейра, взятый им у Жана-Люка Нанси), с другой. Это последнее существует «на границе», в том числе на границе тел, как кожа, и является некой дополитической общностью, предшествующей образованию территории. Именно в нем Иванова, совмещая в своем методе политическую философию, онтологию и философскую антропологию, предлагает искать перспективы осмысления не только войны, но и мира.

Екатерина Хан в своей статье «**Феноменология рефлексивной ностальгии: культивация «утраченного» и веер памяти**» исследует феномен ностальгии как технику субъективации в новоевропейской культуре. Изначально медицинский дискурс XVIII века трактовал ностальгию как смертельную болезнь, но романтизм превратил ее в поэтику тоски по родине. Мартин Хайдеггер интерпретировал ностальгию как фундаментальное настроение «не-дома», стимулирующее философское вопрошание. Автор предлагает пересмотреть это понятие через

концепт Вальтера Бенямина «веер памяти», выделяя рефлексивную ностальгию как осознанную работу с прошлым, которая универсализирует переживание и становится мотивацией для теоретического поиска. Такой подход позволяет разграничить патологические и конструктивные формы ностальгии и переосмыслить ее культ в современной культуре. В основе анализа — идеи Иммануила Канта, Вальтера Бенямина, Жана Старобинского, Поля Рикёра, Светланы Бойм, а также литературные примеры: эссе Жана Амери и Оксаны Тимофеевой, рассказ Владимира Набокова «Облако, озеро, башня».

Далее в номере представлен блок исследований, так или иначе связанных с сексуальностью и феминистской мыслью. Тематика этого раздела широка — от исследования Лолиты Агамаловой и Марыси Пророковой, посвященного образу «Цветочной супруги» Блодьювидд из валлийского эпоса «Мабиногион», рассмотренному в контексте теорий Рене Жирара и Донны Харауэй, до проблематичного диалога американского феминизма с французской психоаналитической теорией в статье Яны Марковой. Путь этот в нашем случае лежит через клитор и, как ни странно, Канта: в статье Елены Костылевой предлагается осмыслить этот орган с философской точки зрения.

В статье **Лолиты Агамаловой и Марыси Пророковой** «**Цветочная супруга**»: между киборгом и козлом отпущения» анализируется фигура исключенного на примере героини валлийского эпоса Блодьювидд (валл. «Цветочное лицо»). Ее история сопоставляется с идеей киборга (Донна Харауэй) — инструмента, восстающего против создателя, — и теорией «козла отпущения» Рене Жирара. В эпосе «Мабиногион» обреченный на безбрачие герой, Ллеу Ллау Гифс, получает в жены девушку, созданную магом Гвидионом из цветов, — Блодьювидд. Изменив Ллеу, она пытается его убить, за что Гвидион превращает ее в сову. Блодьювидд рассматривается в статье как концепт на стыке политической философии, антропологии, биоэтики и феминизма. Авторы критикуют жирардианский подход за метафизику, порождающую жертв через оппозицию «различное/неразличное», и отмечают его антиисторизм. Киборгианская модель отвергает бинарности в пользу противоречий, но, с их точки зрения, остается манифестом с ограниченным политическим влиянием, сводясь к метафоре.

Елена Костылева в статье «Идея неподобия: Кант и Малабу» предлагает по-новому развить рассмотреть новое философское понятие, введенное недавно французской философской Катрин Малабу в работе «Le plaisir effacé: Clitoris et pensée» (2020).

Автор рассматривает историческое «стирание» клитора из культуры философии как форму «клиторидектомии» и предлагает его концептуальное осмысление. Исследование опирается на анализ «малого» у Канта и Гегеля, интерпретацию роли клитора в работах Карлы Лонци и ситуацию с его исключением у Зигмунда Фрейда. В статье также рассматривается диалог современных мыслительниц (Лонци, Тимофеевой, Малабу) с классической философией и ставится вопрос о переосмыслении «женского». Малабу и Лонци показывают его как «иное» — анархичное, множественное, исключенное из фаллоцентрической логики. Тимофеева также связывает женскую анатомию с политикой: без переосмысления женских гениталий вульвы невозможна реконструкция «вечного мира». Но если произошедшая уже ранее в феминизме «вагинальная революция» борется за место в системе, то «клиторальная» (Малабу, Лонци) ставит вопрос о политическом аспекте наслаждения.

В статье **Яны Марковой «О противоречии между американским женским движением и психоанализом»** исследуются истоки конфликта между психоанализом и феминизмом, корнящиеся в американской традиции разделения пола (биология) и гендера (социальное). Автор прослеживает эволюцию этой дихотомии от классической социологии до нового материализма, отмечая ее концептуальные ограничения. Критикуя абстрактное разделение пола и гендера, статья обращается к альтернативным подходам: материализму Джудит Батлер, феноменологии (Мойра Гейтенс о Морисе Мерло-Понти) и экзистенциализму (Торил Мой о Симоне де Бовуар). Маркова показывает, что психоаналитическая теория предлагает целостную концепцию полового различия, однако его потенциал остается нераскрытым из-за предвзятой критики со стороны американского феминизма. Автор приходит к выводу о том, что психоанализ, при всех его ограничениях, ценен тем, что сохраняет вопрос «чье это тело?», в отличие от теорий в парадигме «пола/гендера», которые слишком часто подменяют живых людей схемами.